

А. Г. Власенко

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ КНЯЗЬ М. Б. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ: В ПОИСКАХ БИОГРАФИИ

Имя Михаила Богдановича Барклая де Толли теснейшим образом связано с эпохой наполеоновских войн, в которые он вступил шефом полка, а закончил князем и главнокомандующим самой крупной в истории тогдашней России армии. Начиная с кампании 1806–1807 гг. его путь к фельдмаршальскому званию, особенно в «грозу двенадцатого года», получил довольно подробное освещение в научной и популярной литературе. На этом фоне ранний период его жизни в конце XVIII в. – время формирования военачальника – совершенно не изучен. Наши знания фактически ограничиваются его послужным списком: 14 декабря 1794 г. возглавил 1-й батальон Эстляндского егерского корпуса; 17 мая 1797 г. назначен командиром 4-го егерского полка; 7 марта 1798 г. произведен в полковники и т.д. Об этом времени сохранилось лишь одно воспоминание. Оно принадлежит Федору Петровичу Лубяновскому. Будучи адъютантом генерал-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, он присутствовал при инспекции подразделения Барклая в Полангене. После смотра, при отъезде начальника, Михаил Богданович решил верхом на лошади немного проводить князя. Заметив его, Репнин приказал остановиться, «обнял и отпустил подполковника, а адъютанту сказал: отличнейший офицер Михайло Богданович; мне не дожить до того, а вы увидите, как он далеко пойдет и по заслуге и с пользою»¹. Несколько иную трактовку фразы князя дает Михайловский-Данилевский: «Меня уже не будет на свете, но пусть вспомнят мои слова, этот генерал много обещает и далеко пойдет»². Упоминание генеральского звания относит их встречу на период после 2 марта 1799 г., когда наш герой стал генералом. Последнее и выдает маститого историка, склонного к творческой переработке фактов. Дело в том, что Репнин был уволен в отставку императорским указом от 3 ноября 1798 г. и, естественно, не мог

через четыре месяца проводить инспекторскую поездку. Однако авторитет Михайловского-Данилевского явно выше какого-то очевидца Лубяновского, и основная масса авторов использует в своих работах красивую фразу официального историка 1812 года. Впрочем, часто без упоминания генеральства Барклая. Некоторые, чувствуя подвох, в рассказанной истории вообще отказываются от нее. Например, в ЖЗЛовской биографии полководца (С. Нечаев) 2011 г. о ней ни слова.

Волей-неволей Михайловский-Данилевский бросает тень на этот эпизод из жизни Барклая де Толли. В отсутствие контекста понять, является ли история Лубяновского реальной или анекдотом, в современном понимании этого слова, невозможно.

Однако благодаря найденным в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) документам мы можем в некоторой степени реконструировать события, описанные Лубяновским, и, главное, понять, как Репнин в действительности относился к своему подчиненному. Они представляют собой черновые повеления князя и подлинники рапортов подчиненных. Согласно им, князь в качестве инспектора Литовской дивизии осмотрел три полка – Старооскольский, Тамбовский мушкетерские и 4-й егерский, действительно стоявший в Полангене. Лубяновский в своих мемуарах говорил, что по прибытию к Барклаю князь занемог и задержался у того на три дня. Найденные письма, отправленные из сего пункта Репниным, датируются 8 и 9 августа 1797 г. Так как части инспектировались раз в год, можно с определенной уверенностью утверждать, что рассказ Лубяновского относится к этому периоду. Да, в общем-то, другого времени, чтобы посетить расположение 4-го полка, у князя не было, как и серьезного повода, который требовался для повторного посещения чрезвычайно удаленного поста на Балтийском побережье.

Об отношении Репнина к своему подчиненному можно судить по одному, но крайне любопытному приказу, кстати, отданному князем во время посещения Полангена. Согласно ему, под начало Барклая де Толли передавался донской казачий полк подполковника Г. А. Дячкина, стоявший на прусской границе. Формальным поводом к сей перемене объявлялось незнание казаками немецкого языка, «а как здесь на границе находится командующий 4-м егерским полком Г. Подполковник Барклай языки чужестранные знающий и при том вас в настоящем чине старее, – писал князь Григорию Андреевичу, – то я предлагаю вашему высокоблагородию во всем до кордонной пограничной стражи касающемся относиться к нему и состоять по его повелениям, представляя ему все наставления, которые у вас по кордонной части находятся». Однако в самом конце ордера ука-

зывалась истинная причина принятого решения: «Впрочем, еще раз подтверждаю вам держать в вашем полку строгую дисциплину, так чтобы на казаков ваших не было конечно никаких жалоб ни от наших обывателей ни от пруссаков, как то уже случалось; в противном случае вы станете ответствовать за всякой беспорядок ваших подчиненных»³.

Сообщая в тот же день самому Барклаю де Толли о принятом решении, князь писал: «Получа от означенного подполковника Дячкина все ему по сей части данные наставления по оным поступать имеете донося мне о переменах постов Прусских или их командиров, или же о движении их войск, естли бы что из того случилось, и наконец и о всем примечания достойном коль что таковое у пруссаков происходить станет. А о важных каковых либо движениях их войск, особливо естли бы немедленно извещать не только прикосновенных и ближних командиров военных для их надлежащей осторожности, но и командиров всего кордона, а равномерно и литовского гражданского губернатора. Командует же кордоном от Ковны до Гродны Г. г.м. к. Лобанов в Вильне свою квартиру имеющий, а от Гродны до Буга в вверх по оному Г. г.м. Мерлин в Гродно находящийся. Впрочем рекомендую чтобы кордон был всегда осторожен и от поста до поста частые разъезды делал, наблюдая всемерно, чтобы не было от нашей стороны в Пруссию дизерции, также чтобы казаки содержаны были в строгой дисциплине и неподавали причины к жалобам ни своим обывателям, ни прусским, а чтобы напротив обходились с прусаками ласково и дружелюбно как следует в добром согласии и соседстве»⁴.

Связка посещения 4-го егерского полка и подчинение Барклаю казаков видится неслучайной. Не с бухты-барухты подполковник был поставлен в один ряд с генералами. Приказ можно было отдать и из Вильно, но князю явно хотелось убедиться собственными глазами, в каком состоянии находится полк Баркляя, да и поближе познакомиться с ним самим. Тем более что за два месяца до этого управитель местечка Шкуды сообщил, что расположенные там две роты егерей 4-го полка притесняют местных жителей разного рода поборами. Барклай смог оправдаться. Князь принял его аргументы, потребовав от гражданских властей навести порядок. Посетив же Поланген, Репнин удостоверился, что Михаил Богданович приверженец порядка и дисциплины. Так, рассказ Лубяновского самым естественным образом вписывается в реальный контекст. Судя по документам, 1797 г. выдался для Баркляя де Толли насыщенным на события. Одно из них чрезвычайно любопытно по своему характеру, так как в нем Михаилу Богдановичу оппонировал не кто иной, как Петр Иванович Багратион. Все началось с рапорта Баркляя от 2 ноября Репнину: «Узнал я как чрез проезжающих,

в вере достойных, так и чрез нарочных к разведыванию разосланных что, в Пруссии точно обнародовано что все те которые из заграницы перейдут в Пруссию, и там поселится пожелают, от некоторых податков пока совсем поселится, также и до третьяго их поколения от всякой воинской службы уволены будут; близ границы же подтверждено всем обывателям чтобы всякаго российского воинскаго дезертира ловить, и представлять к ближней прусской воинской команды; откуда они все отправляются чрез Мемель водою в Кенигсберх для определения в полки; и все те российские подданные которые у них в полках близ границы расположенных уже и прежде служили, по большой части отправляются в полки которые в дальних правинциях стоят, дабы им отнять способ к дезерции: вербуют в Пруссии очень сильно, и даже так что не взирают на рост: говорят же что будто сие делается для укомплектования тех рот, которых в каждом полку прибавляется по одной... вербуются матросы и рыбаки; для пантониров которые отправляются в Кенигсберх где приуготовливают пантоны: движения же в их войске ни какого не приметно, но кордон по границе не толко умножен, драгунами Шенковскаго полку, которых от моря до Тильзита расположено маленькими командами два эскадрона»⁵.

Репнин был явно обеспокоен полученным донесением, выходявшей за рамки известной ему ситуации в соседней стране, грозившей сорвать рекрутский набор в Курляндии и Литве. В ответном ордере от 11 июня 1797 г. он писал: «...предлагаю, что публикация сделанная в Пруссии упоминаемая в вашем рапорте думаю я не есть ли тот самой рескрипт от имени королевского изданный который я уже имею, и с коего для сведения вашего и соображения с оным слухом копию у сего препровождаю. За всем тем однакож извольте стараться достать ту публикацию ежели она существует и мне оную представить, равномерно употребить всевозможное старание и прилежание разведать и о других статьях содержащихся в вашем рапорте сколь только можно обстоятельнее, и о всем том равно как и о прочем что только до вас доходить будет со стороны Прусской немедленно мне доносить...» Для ускорения доставки корреспонденции – полученный от Баркляя рапорт шел восемь дней – Репнин решил задействовать «кордонную стражу до Ковны, где отдавать их городничему для немедленнаго же оттуда отправления»⁶. Не ограничиваясь этим, князь разослал командирам кордонов приказы прояснить обстановку.

К концу месяца интрига разрешилась. Сообщение, разъяснившее ситуацию, пришло из Волковыска от подполковника князя П. И. Багратиона. Он совсем недавно, в середине октября, вступил в командование кордоном по увольнению в отставку генерала Я. Д. Мерлина. В рапорте от

24 ноября, отчитываясь за выполнение секретного предписания от 11 ноября, к которому в копии был приложен рапорт Барклая де Толли, князь доносил: «Посланные от меня в пруские пределы верно испытанные и веры годные люди для узнания о обнаруженной якобы публикации для переходящих на их сторону обывателей, по возвращении своем... донесли, что таковой публикации со всем не было и ныне не имеется; и как известно мне что противу командуемой мною дистанции кардонных постов никакого вербунка или рекрутского набора людям не производится; да и ушедшие с нашей стороны беглые разнаго звания люди жительствуют по их желаниям в ближайших местечках и селениях, равномерно и служащие в войске вдальние их провинции не отправлены а остаются по прежнему... с их стороны делаются по границе в сутки три раза и наблюдаетца дабы побегии дезертиров из войск уходящих в пределы наши прекратить... в войсках стоящих по границе... приготовление к движению не примечено а существует тишина и спокойствие». В заключение Петр Иванович привел цены на некоторые товары, чтобы еще раз подчеркнуть полную достоверность и всеобъемлющий характер собранной столь оперативно информации. Ведь на все про все у него ушло около десяти дней⁷.

Багратион оказался совершенно прав. Переданные Барклаем данные основывались на пустых слухах. Реакция Репнина на прокол подчиненного неизвестна, да, в общем-то, она и не могла быть суровой. В марте 1798 г. Михаил Богданович становится полковником. В конце года князь был уволен и вместо него прибыл генерал от инфантерии Б.П. де Ласи. Как и его предшественник, он осмотрел вверенные ему части. Из 11 пехотных полков один оказался «совершенно растроен», а второй не хорош. «Егерский полк Барклая де Толлия, – писал он государю 2 января 1799 г., – найден мною во всей исправности и готовности»⁸. В начале марта Михаил Богданович стал генералом.

В 1810 г., вступив в должность военного министра, Барклай де Толли уже летом предложил государю создать институт военных агентов для сбора информации за границей. Вспоминал ли полководец о далеком 1797 г., сказать нельзя, но он не мог не учитывать полученный им тогда опыт. Недаром в феврале 1811 г. Михаил Богданович проявил инициативу в реорганизации кордонной службы. В представлении государю он писал: «Всегда начальствующим пограничными губерниями и войсками давали предписания устроить стражу сию. Но по неопределенности понятий о ея устройстве, по большей или меньшей деятельности начальствующих, известно, что доселе ничего не было устроено; ибо стража

границ, вверенная одним козакам, не могла быть надежна». В связи с чем, он предложил: «Не оставлять ни в одном месте постоянной команды (казаков) и держать их в безпрестанном движении по всей границе...» и надзор над ними передать офицерам регулярных войск⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспоминания Ф. Н. Лубяновского, 1777–1834 // Рус. архив. 1872. № 3. С. 146.

² *Михайловский-Данилевский А. И., Висковатов А. В.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная галерея Зимняго дворца. СПб., 1849. Т. 5. С. 3.

³ РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 162. Л. 394–394об.

⁴ Там же. Л. 395–396.

⁵ Там же. Д. 163. Л. 44, 45.

⁶ Там же. Л. 75–75об.

⁷ Там же. Л. 129–130об.

⁸ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 44. Л. 617–617об.

⁹ Там же. Д. 519. Л. 248об, 250, 255.